

УДК 303+930.2/323.2.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УКРАИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Никифоров А.Р.

В статье устанавливается зависимость ментальных особенностей населения различных украинских регионов от культурно-исторических условий их образования и попадания в единое государственное пространство. Также устанавливается совпадение культурно-исторического и электорального районирования украинского политического пространства, определяются его полюса и буферная «зона электоральной неопределенности».

Ключевые слова: *украинское политическое пространство, культурно-исторические регионы, культурно-исторические зоны, электоральные полюса, «зона электоральной неопределенности».*

Украинское политическое пространство – явление относительно молодое. Формально оно существует с 24 августа 1991 г. – с момента провозглашения независимости Украинской Советской Социалистической Республики (УССР). Ни одна предшествующая украинская государственность не функционировала в такой пространственной конфигурации. Не удивительно, что вопросы оптимального государственного устройства, взаимодействия регионов, составляющих украинское политическое пространство, их идентификации и т.п. не теряют актуальности вот уже более двух десятилетий.

Участники дискуссии нередко оказываются на разных полюсах: от жесткого отстаивания тезиса о монолитном единстве Украины, до требования ее немедленной федерализации и даже – реформирования Украины в конфедеративное государство. Интеллектуальными спорами данная дискуссия не ограничивается. Так, в 2004-2005 гг. она вылилась на площади украинских городов, что поставило страну на грань территориального раскола. И по сей день в политическом обиходе используются термины «донецкие», «днепропетровские», «западенцы», «Юго-Восток», «Галиция», а также – их производные. Таким образом, можно говорить, что напряжение, четко обозначившееся в украинском политическом поле в период так называемой «оранжевой революции» и ставшее его непреложной характеристикой, имеет региональную проекцию.

Несмотря на важность обозначенной темы, дискуссия по региональному вопросу зачастую ведется вне научного дискурса. Особенно этим отличаются сторонники украинского унитаризма, предпочитающие делать вид, что региональных политических проблем, на самом деле, не существует, а всякого рода деление Украины на регионы – провокация безответственных политических сил. Но

и их оппоненты – федералисты, констатируя наличие в составе Украины ярко выраженных регионов, обосновывают необходимость федерализации чем угодно, только не внутренними потребностями самих регионов. Скажем, крымский автор А.В. Мальгин, подводя итоги своим штудиям, посвященным украинской соборности и регионализму, заявляет, что продвижение к федерализации это «... тот путь, которым будут следовать все государства, так или иначе вовлеченные в процесс общеевропейской интеграции» [1, с.270]. Нечто подобное мы находим и в книжке под претенциозным названием «Федерализация Украины». Она завершается абзацем, в котором, в частности, провозглашается, что «Будущее единого украинского государства и формирование единой украинской нации должны открывать перспективу развития для всего населения страны независимо от его расовой, этнической, религиозной и социокультурной идентичности» [2, с.227]. При этом, правда, федералисты не поясняют факта глубокой укорененности в «процессе общеевропейской интеграции» такого гиперунитарного государства, как Франция, а также почему путь к светлому будущему Украины и ее граждан лежит именно и только через федерализацию. В общественно-политический и научный дискурс федералистами практически не вносятся пространственных и смысловых моделей украинской федерации. Складывается впечатление, что необходимость федерализации для ее адептов – не вывод, полученный в результате объективных и научно корректных исследований, а идеологическая установка, элемент их веры в светлое будущее.

Данная статья, конечно, не положит конец спору между унитаристами и федералистами. Ее **цель** более проста: попытаться установить, в чем кроется суть региональной фрагментации украинского политического пространства. В соответствии с сущностными различиями, произведем политическое районирование украинского политического пространства, а также – попробуем выделить группы близких регионов и проследить динамику их взаимоотношений.

Для достижения заявленной цели предлагается применить к нашему **объекту** (украинскому политическому пространству) методику, разработанную Н.Я. Данилевским в рамках его учения о культурно-исторических типах. Предположим, что не только большие культурно-исторические типы (цивилизации), но и региональные сообщества объединяет и отличает друг от друга единая судьба (общая история), а проявляются эти единство и самобытность в мировоззренческих особенностях, в том числе и в особой социально-политической ориентации населения того или иного региона. В таком случае, вполне естественно будет начать с анализа истории формирования украинского политического пространства.

1. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Складывание современной государственной территории Украины происходило в рамках сначала Российской империи, затем СССР, и включало в себя ряд этапов.

Первый (конец XVI - середина XVIII вв.) характеризуется вычленением из состава Речи Посполитой территории Малороссии (Гетманщины) и началом колонизации Слобожанщины (на тот момент территории Российского государства),

в которой малоросский элемент участвовал совместно с великоросским [3, с. 99-104].

Второй этап (вторая половина XVIII - XIX вв.) выразился, прежде всего, в ускорении колониционного освоения Северного Причерноморья (особенно после 1783 г.) [3, с.104-111]. И здесь малороссы обосновываются одновременно с великороссами и совместно с другими этническими группами (болгарами, греками, немцами и т. д.). На этот же этап приходится присоединение к Российской империи Правобережья Днепра (Полесье, Подолье, Воынь).

Третий этап (до середины XX в.) ознаменовался включением в состав СССР Восточной Галиции (1939 г.), Северной Буковины (1940 г.) и Закарпатья (1945 г.), а также передачей Крымского полуострова в административное подчинение УССР (1954 г.).

Нетрудно заметить, что в ходе всех этих этапов история различных украинских регионов складывалась по-разному. Если на восток и юг обитатели территории современной Украины продвигались в ходе переселенческой колонизации, то территории, расположенные западнее Днепра, входили в состав России (а затем – СССР) в результате внешнеполитических акций, что в корне не меняло этнического состава их населения.

Различия исторической судьбы сформировали у населения разных украинских регионов ментальные и культурные особенности, которые проявляются в актуальной политике. Например, «сила отталкивания» от России, одна из ключевых составляющих украинского самоопределения, ослабевает по мере движения с запада на восток – юго-восток. Русофобские, «националистические» настроения сильны в Галиции, слабее на Правобережье, близки к нулю в Слобожанщине и Северном Причерноморье. Российский эксперт А.К. Гливаковский приводит высказывание одного из создателей Народного Руха Украины С. Конева, который охарактеризовал эту динамику следующим образом: «Человек, шагающий с желто-синим флагом по улицам Львова, вызывает у прохожих искренние симпатии, в Житомире нормальный интерес, а в Херсоне ,вполне возможно, настороженность, а то даже и возмущение» [4, с.49]. Правозащитник и политический публицист В.Д. Малинкович замечает, что различное восприятие России и русских сохраняется у «западенцев» и «схидняков» даже в диаспоре, причем последние, считающие русских «своими», объясняют такую позицию как раз общей с ними исторической судьбой [5, с.77-79].

Примечательно, что доля русского населения по мере продвижения от украинского Запада на восток и юго-восток, наоборот, возрастает [6]. Казалось бы, территория более активных русско-украинских контактов должна характеризоваться повышением градуса межэтнической конфликтности. А происходит как раз наоборот. Это свидетельствует о том, что так называемые русско-украинские противоречия не носят этнического характера. Они коренятся в культурно-исторической сфере. При этом линия культурно-исторического разлома проходит не по российско-украинской государственной границе. Ее следует искать внутри территории независимой Украины.

2. РАЗЛОМЫ УКРАИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Раскол украинского политического пространства на Запад и Восток является наиболее очевидным разломом ее социально-политического пространства. Достаточно вспомнить о результатах президентских выборов 1994 г., когда граждане Украины к востоку от Днепра во втором туре поддержали Л.Д. Кучму, а на Правобережье и Западе голосовали преимущественно за Л.М. Кравчука. При этом накануне первого тура выборов, согласно данным Научно-практического центра АПН Украины, сторонники Кучмы значительно превосходили приверженцев остальных шести кандидатов в президенты по уровню негативного отношения к украинской независимости и опережали даже электорат официального кандидата «левых», социалиста А.А. Мороза в неприятии «рыночных» экономических реформ. Противоположный полюс по этим двум показателям занимал первый президент Украины Л.М. Кравчук [7, с.83].

Любопытны в этом контексте результаты, полученные в 1994 г. социологами Львовского и Мичиганского университетов. В ходе проведенного ими совместного исследования было установлено, что положительно оценивают изменения, произошедшие после обретения Украиной независимости, 74,8% львовских, но только 14,8% донецких респондентов [8, с.71]. Близки к оценкам жителей Донецка настроения крымчан. Осенью 1995 г. социологическая служба «Крымсоисс» на вопрос: «Хотели бы Вы жить, как прежде, в едином государстве, каким был Советский Союз?» получила 77,1% положительных ответов и только 7,9% отрицательных. Удовлетворение политикой Украины по отношению к Крыму выразили лишь 5,5% респондентов, категорическое неприятие - 58,7% [7, с.83].

Раскол на Запад и Восток - наиболее явная, но не единственная проблема, угрожающая монолитности политического пространства современной Украины.

Так, Л. Чекаленко-Васильева определяет как проблемные регионы Львовскую область (наличие польского меньшинства и греко-католической конфессии), Закарпатье (зона русинского сепаратизма), Южную Украину (Одесская, Николаевская, Херсонская, Запорожская области - перспектива создания т. н. «Новороссийской республики»), Крым (пророссийский сепаратизм и крымскотатарская проблема), Восточную Украину (Харьковская, Донецкая и Луганская области - зона «русского фактора»), а также Северную Буковину и Южную Бессарабию – как зону потенциальных претензий Румынии. Всего же Чекаленко-Васильева выделяет в составе Украины одиннадцать исторически-экономических регионов, семь из которых являются, на ее взгляд, полностью или частично проблемными [9, с. 183-184].

Иной принцип районирования Украины предлагает крымский социолог В.А. Темненко. На основе так называемого «языкового индекса украинцев» (процент украинцев, считающих родным языком украинский) он выделяет три группы территорий: 1-я (14 областей, 21 млн. чел.) - с наиболее высоким уровнем распространения среди украинцев украинского языка (свыше 95%); 2-я (8 областей и город Киев, 20 млн. чел.) со средним показателем языкового индекса (от 75% до 95%); 3-я (2 области и Автономная Республика Крым с Севастополем, 11 млн. чел.) – с наиболее низким индексом (от 50% до 65%). По мнению Темненко, «на уровне

корневой толщи» Украина, несомненно, является федеративной структурой с тремя четко обозначающимися федеративными составляющими» [10, с. 27-29].

Решусь предложить свой вариант районирования Украины, основанный на культурно-историческом анализе. Ключевым принципом в данном случае выступает время и обстоятельства попадания региона в единое государственное пространство (Российская держава, Российская империя, СССР). «Элементарной частицей» в данном случае выступает современная административно-территориальная единица Украины первого порядка: область, города Киев и Севастополь, Автономная Республика Крым (АРК). Это позволяет коррелировать полученные результаты с другими измерениями украинского политического пространства.

Культурно-исторический анализ позволяет выделить следующие регионы политического пространства Украины: Малороссия (примерно совпадающая с границами земель, отошедших к России в 1686 г.: Киев, Киевская, Полтавская, Сумская, Черниговская области), Слобожанщина (зона активной колонизации конца XVII - XIX в.: Донецкая, Луганская, Харьковская области), Северное Причерноморье (зона активной колонизации второй половины XVIII - XIX в.: Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Одесская, Херсонская области), Крымский полуостров (может рассматриваться как составная часть Северного Причерноморья, но при этом характеризуется комплексом своеобразных пространственных, этнических и культурно-исторических признаков: АРК и Севастополь), Правобережье (за исключением Кировоградщины, вошло в состав Российской империи в результате разделов Польши 1793 и 1795 г.: Винницкая, Житомирская, Кировоградская, Черкасская, Хмельницкая области), Волынь (с 1795 г. - в составе Российской империи, в 1921-39 гг. - в составе Польши, с 1939 г. - в составе СССР: Волынская и Ровенская области), Галиция (в составе СССР - с 1939 г.: Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская области), Северная Буковина (до 1940 г. входила в состав Румынии: Черновицкая область), Закарпатье (до 1939 г. - составная часть Чехословакии, присоединено к СССР в 1945 г.).

Легко заметить, что не все культурно-исторические регионы Украины имеют четко выраженные отличия друг от друга.

Так, Слобожанщина, Северное Причерноморье и Крым сливаются в единую культурно-историческую зону - Новороссию. Пределы этой зоны не ограничиваются украинскими землями. Приднестровье, Северный Кавказ, Нижние Подонье и Поволжье, Южное Приуралье, Северный Казахстан также являются землями переселенческой восточнославянской колонизации XVII - XX веках.

Точно так же можно говорить о культурно-исторической близости Галиции и Северной Буковины. Здесь фактором ландшафтного единства являются Карпаты, у северо-восточного склона которых и расположилась Западная культурно-историческая зона. К Западной зоне тяготеют также территории Волынской и Ровенской областей, которые в XII - XIV веках вместе с Галицией составляли ядро средневекового Галицко-Волынского княжества, а в 1921-1939 гг. вместе с галицкими областями входили в состав Польши.

А вот Закарпатье, лежащее к юго-западу от Карпат, является особым культурно-историческим регионом, хотя нередко примыкает к Западной зоне. И то, и другое имеет свое историческое обоснование. Если Галиция (после разделов Речи Посполитой) и Буковина входили в австрийскую часть Австро-Венгрии, то

Закарпатье с XIII века оказалось частью Венгерского королевства, а затем до 1918 г., было включено в венгерскую часть дуалистической Австро-Венгерской монархии. После первой мировой войны Галиция вошла в состав восстановленной Польши, а Закарпатье – во вновь созданное государство – Чехословакию. Налицо различные исторические судьбы, но они ближе, чем у Закарпатья, скажем, с Донбассом или Крымом.

Украинское Правобережье Днепра, в силу ряда особенностей его политической и этнической истории, так и не сформировалось в особую культурно-историческую зону. Этот обширный регион, конфигурация которого задана, главным образом, извилами среднего течения Днепра, в пределах которого встречаются несколько ландшафтов (степной, лесостепной, лесной, речной), можно рассматривать как своеобразный этнокультурный буфер между Новороссией, Западной Украиной и Малороссией. Правобережье уже давно ведомый регион, увлекаемый за собой той политической силой, которая преобладает в каждый конкретный политический момент.

Регион Малороссии, являющийся лишь осколком пространства речной цивилизации средневековья – «Киевской» Руси, также склонен подпадать под влияния извне. Не меняет дело даже нахождение здесь столицы Украины: политический и идеологический (концептуальный) центры украинского политического пространства не совпадают. Последний все годы независимости находится в Галиции.

3. ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Результаты, полученные в ходе культурно-исторического анализа, сравним с данными, характеризующими электоральное поведение населения Украины. Если в результате такого сравнения будет обнаружена устойчивая связь, значит украинские избиратели, определяясь со своим выбором, руководствуются идеалами и ценностями, сформировавшимися в ходе исторического развития каждого из регионов.

Особенности электорального поведения населения Украины проявились практически с момента рождения современного украинского независимого государства. Именно так можно трактовать результаты голосования 1 декабря 1991 года, когда граждане Украины должны были на референдуме подтвердить Акт провозглашения независимости, принятый парламентом страны 24 августа 1991 года, а также – принять участие в выборах Президента Украины.

Несмотря на ставшее пропагандистским штампом утверждение о высокой степени политического единства украинских граждан, продемонстрированного в ходе референдума 1 декабря 1991 года, уже его результаты позволяют увидеть элементы будущей структуры украинского электорального поля. Так, несмотря на то, что во всех регионах Украины большинство принявших участие в референдуме высказалось за независимость, степень этой поддержки варьировалась от региона к региону. Львовский географ О.И. Шаблий, анализируя результаты референдума,

выделяет шесть групп украинских областей в зависимости от уровня поддержки акта провозглашения независимости:

Западные: Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская области – уровень поддержки между 97,5 и 98,7%.

Центрально-Западные: Винницкая, Волынская, Житомирская, Полтавская, Киевская, Ровенская, Хмельницкая, Черкасская – между 94,9 и 96,0%.

«Периферийно-промежуточные» (название наше. – А.Н.): Закарпатская, Кировоградская, Сумская, Черниговская, Черновицкая – 92,6-93,7%.

Южные: Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Херсонская – 89,5-93,7%.

Юго-Восточные: «Зона промышленных областей»: Донецкая, Луганская, Одесская, Харьковская – 83,9-86,3%.

Республика Крым (нынешние АРК и Севастополь) – 54,2%. [11, с.122-124].

Не будем долго останавливаться на выяснении, каким образом в данном случае определён шаг от группы к группе. Но бросается в глаза, что Крым в ранжировании, произведённом О.И. Шаблием, находится на значительном расстоянии от предыдущей группы областей, в два с половиной раза превышающем расстояние между первой и пятой (т.е. – всеми остальными) группами. В принципе, упрощая данное ранжирование, можно было бы разделить территорию страны по данным референдума на две части: Крым и «остальную Украину».

Любопытны и другие комбинации, которые можно произвести с «группами Шабля». Если суммировать первые три группы, мы получим «оранжевую» электоральную зону, избиратели которой отдавали в 2002-2004 гг. предпочтение В.А. Ющенко и ассоциируемым с ним политическим силам, в 2006-2007 гг. поддерживали Ющенко и Тимошенко, а на последних президентских выборах (2010 г.) голосовали во втором туре преимущественно за лидера БЮТ. Три следующие группы (с 4 по 6-ю) дают в совокупности тот самый Юго-Восток, который в 90-е гг. XX в. составлял основное тело «красного электорального пояса» Украины, а с 2004 г. неизменно поддерживает Партию регионов и её лидера В.Ф. Януковича.

Результаты первого тура президентских выборов 1991 г., состоявшихся одновременно с референдумом, напротив, чётко обозначили другой, противоположный крымскому, электоральный полюс Украины. Напомним, выборы прошли в один тур, который завершился уверенной победой Л.М. Кравчука, набравшего в целом по стране 61,59% голосов. Он победил во всех административно-территориальных единицах Украины, кроме трёх галицийских областей: Ивано-Франковской, Львовской и Тернопольской. В них победу одержал тогдашний лидер Руха В.М. Черновол [12]. Так, уже на заре независимой Украины, обозначились два её электоральных полюса, совпадающих с выделенными нами ранее культурно-историческими регионами.

В ходе следующих президентских выборов (1994 г.) электоральный водораздел пришёл почти строго по Днепру (не считая причерноморских областей, традиционно не относимых к Правобережью, и Кировоградщины, занимающей переходное положение между Правобережьем и Юго-Востоком). Граждане Украины к востоку от Днепра во втором туре поддержали Л.Д. Кучму, а на Правобережье и Западе голосовали преимущественно за Л.М. Кравчука [13].

Результаты парламентских выборов 1998 г., на которых впервые в украинской избирательной практике применялась смешанная избирательная система, лишний раз подтвердили существование геополитического разлома украинской территории по линии «Запад – Восток». В южных и восточных регионах страны первенствовала компартия, а на Западе наибольшую поддержку получил Народный Рух Украины [14].

Президентские выборы 1999 г., казалось, не дали такой наглядной поляризации. Зато они неявно, но четко обозначили наличие в украинском политическом поле трех электоральных зон, удивительно совпадающих с зонами культурно-историческими. Их обнаружил Владимир Войченко, который предложил разделить украинские административно-территориальные единицы на «прокучмовские», «левые» и «промежуточные» регионы. В первых большинство избирателей поддерживало Л.Д. Кучму в ходе как первого, так и второго туров голосования, во вторых – такая же устойчивая поддержка была оказана кандидатам от «левых» политических сил. Третья группа регионов сформирована теми областями, где голосование избирателей в первом и втором турах принципиально отличается [15]. Для нас крайне примечательно, что первая группа регионов практически точно совпадает с Западной культурно-исторической зоной, вторая – с Новороссией, а третью формируют выделенные нами Малороссия и Правобережье.

Практически все выборы первого десятилетия XXI века в целом подтвердили выявленную закономерность электорального поведения. Запад Украины (четче и определеннее – Галиция) и Новороссия (в ней наиболее последовательны области Донбасса, АРК и Севастополь) формируют электоральные полюса украинского политического пространства, а Правобережье и Малороссия – буферную «зону электоральной неопределенности». Она склоняется то к одному, то к другому полюсу, но при этом – выбирает более мягкие, расплывчатые модели, близкие, но не совпадающие с радикальными образцами украинской политической моды. Скажем, в 2002 г. «зона электоральной неопределенности» качнулась в сторону «Нашей Украины», в 2004-м – колебалась в ходе двух вторых туров между Ющенко и Януковичем, приняв-таки сторону последнего, в 2006 и 2007 гг. переметнулась на сторону Тимошенко, которой, в целом, оставалась верна и на президентских выборах 2010 г. А вот на региональных выборах того же года – дрогнула, и стала искать новые силы, поближе к партии власти. Если эта тенденция будет продолжена и в 2012 г., вывод о склонности буферной зоны брать сторону политического победителя получит еще одно веское подтверждение.

Итак, мы видим, что культурно-историческое и электоральное районирование украинского политического пространства дают примерно одинаковые результаты. Плохо это или хорошо, но украинский избиратель упорно делает свой выбор, руководствуясь комплексом идеалов и ценностей, характерным для его региона, а вовсе не исходя из анализа предложенных ему экономических предвыборных программ или реагируя на меркантильные обещания. Нельзя сказать, что это гарантирует его от заблуждений и разочарований. Но о готовности украинского населения участвовать в определении курса развития страны такое электоральное поведение говорит вполне определенно.

Итоги культурно-исторического анализа свидетельствуют о глубоком противоречии, заложенном в украинском электоральном поле. Лишь наличие

буферной «зоны неопределенности» между его полюсами предохраняет это поле от потери цельности, придает ему эластичности, предотвращая его распад.

Поскольку речь идет о исторически мотивированном поведении, сформировавшемся в течение сотен лет, говорить о его быстром преодолении было бы, по меньшей мере, легкомысленно. Украина культурно-исторически не едина, и с этим ничего не поделаешь. Но с этим можно научиться жить. Для начала надо признать факт реально существующих региональных различий и на основе этой констатации – выработать приемлемые для всех регионов правила совместного существования. Такое сосуществование, как видится, вовсе не обязательно предусматривает федерализацию страны. Мало того, сама по себе федерализация ни одной региональной проблемы не решает и ни одного межрегионального противоречия не снимает. А вот предоставление регионам большей культурной самостоятельности, воздержание от культурного диктата, которым зачастую грешит официальный Киев, может снять избыточное напряжение, испытывающее украинское политическое пространство на прочность.

Список литературы

1. Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм / А.В. Мальгин. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 280 с.
2. Федерализация Украины: к единству через многообразие / В.Е. Григорьянц, С.С. Жильцов, А.В. Ишин, А.В. Мальгин. – М.: Восток – Запад, 2011. – 228 с.
3. Гуржій О.І. Українська козацька держава в другій половині XVII-XVIII ст.: кордони, населення, право / О.І. Гуржій. - Київ: Основи, 1996. – 222 с.
4. Гливаковский А.К. «Империя зла» развалилась - что дальше? / А.К. Гливаковский // Безопасность. М., 1994 (июнь). - № 6. - С.21-52.
5. Малинкович В.Д. «Русский вопрос» в Украине / Малинкович В.Д. // Открытая политика. - М., 1997. - С.77-79.
6. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года [Электронный ресурс]. - Государственный комитет статистики Украины. – Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>
7. Никифоров А.Р. Геополитический смысл Украины / А.Р. Никифоров // Русский геополитический сборник. – М., 2000. - С. 75-90.
8. Нагорна Л. Українсько-російські відносини в історико-політичному контексті: сучасні оцінки / Л. Нагорна, Ю. Шаповал // Україна и Россия в новом геополитическом пространстве. - Киев, 1995. - С.57-76.
9. Чекаленко-Васильева Л. Влияние регионализма на формирование внешней политики Украины / Л. Чекаленко-Васильева // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 2. Россия, Украина, Белоруссия. - Москва: Весь мир, 1997. – С. 172-184.
10. Темненко В.А. Три Украины / В. Темненко // Таврические ведомости (журнал). - Симферополь, 1997. - № 1. – С.27-29.
11. Социально-экономическая география Украины / [Пер. с укр. под ред. О.И. Шабля]. – Львов: Свит, 1995. – 640 с.
12. Президентские выборы на Украине (1991) [Электронный ресурс]. - Википедия. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_на_Украине_\(1991\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_на_Украине_(1991))
13. Президентские выборы на Украине (1994) [Электронный ресурс]. - Википедия. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_на_Украине_\(1994\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_на_Украине_(1994))
14. Вибори народних депутатів України) [Электронный ресурс]. - Центральна виборча комісія України. - Режим доступа: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vd2002/webproc0v?kodvib=1&rejim=0>
15. Войтенко В. Президентские выборы в зеркале математики / В. Войтенко. – День / Ежедневная всеукраинская газета. – № 216, вторник 23 ноября 1999.

Никифоров А.Р. Культурно-історичний аналіз українського політичного простору // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2012. – Т. 24 (65). – № 4. – С. 244-253.

У статті встановлюється залежність ментальних особливостей населення різних українських регіонів, від історичних умов їх створення та потрапляння в єдиний державний простір. Також встановлюється збіг культурно-історичного та електорального районування українського політичного простору, визначаються його полюси і буферна "зона електоральної невизначеності".

Ключові слова: український політичний простір, культурно-історичні регіони, культурно-історичні зони, електоральні полюси, «зона електоральної невизначеності».

Nikiforov A.R. A cultural and historical analysis of the Ukrainian political space // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2012. – Vol. 24 (65). – № 4. – P. 244-253.

The article establishes dependence between mental peculiarities of different Ukrainian regions' population and cultural and historical conditions of its development and getting into integrated state space. Also cultural and historical and electoral division into districts overlap is being established, poles and buffer "zone of electoral uncertainty" are identified.

Keywords: Ukrainian political space, cultural and historical regions, historical and cultural areas, electoral poles, "zone of electoral uncertainty".

Статья поступила в редакцию 18.09.2012